

ются трудолюбивые переселенцы-колонисты, стекаясь со всех сторон земли русской и ища здесь приволье после тяжкого малоземелья. Приветливы эти луга, бесконечны пространства, душисты и ароматичны травы, весело и ярко светит на них Божье солнце, снует трудолюбивая пчела и несет пахучий мед в раскинувшиеся сотнями улы алтайских пасек; желтеет нива на склонах мягких зеленых гор, шахматами красуются эти поля, наливаются пышно колос на девственной почве, дающей огромные урожаи. Да будет благословен новый труд твой, русский пахарь; надо же снять тебе когда-нибудь полную жатву!

8 мая 1880 г.

Ядринцев Н.М. Сибирская Швейцария: (из путевых записок об Алтае) // Русское богатство. 1880. № 8. С. 47–66.

О Т Ч Е Т О ПОЕЗДКЕ ПО ПОРУЧЕНИЮ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО ОТДЕЛА ИМПЕРАТОРСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ГОРНЫЙ АЛТАЙ, К ТЕЛЕЦКОМУ ОЗЕРУ И В ВЕРШИНЫ КАТУНИ, ЧЛЕНА-СОТРУДНИКА ОТДЕЛА Н.М. ЯДРИНЦЕВА В 1880 ГОДУ

ГЛАВА I

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

При своей поездке в начале июня месяца 1880 года, выехав прежде всего из Бийска для объезда инородческого района, я коснулся черни между Улалой и Телецким озером. Эти девственные леса, наполняющие запад Томской губернии и тянущиеся по Кузнецкому и Бийскому округам, имеют особенный характер и отличаются от обыкновенной тайги. Леса эти содержат не одни хвойные деревья, так как осина, береза, рябина, черемуха также присущи этой местности. В Кузнецкой черни даже произрастает липа. Когда из долины Наймы, цветущей, покрытой сочными травами, мы совершали через горы перевал к Паспаулу, нас окружали девственные леса и огромные травы; из них папоротники и репей поднимались выше человека, сидящего на лошади. Дикий хмель обвивал деревья; среди кедров и сосен разрастались рябина, акация, бузина, а кусты черемухи, смородины и малины свешивали грозди своих ягод.

По дороге к Телецкому озеру среди черни мы следовали по узенькой и грязной тропинке, которую заграждают бурелом, колоды, ручьи, иногда каменистые болота; реки приходилось переходить вброд.

Когда-то путь к Телецкому озеру проходил вверх по Бию. Так путешествовал Гельмерсен в 1834 году, здесь же предполагалось продолжение пути от Саибыба. Ныне кратчайшая дорога к озеру от Улалы идет прямо на Паспаул

или Самонду, до селения Кебезени и может быть сделана в три дня. Кроме бедных селений новокрещенных инородцев, по пути встречается множество крестьянских пасек, проникших до Телецкого озера.

Телецкое озеро представляет величественный вид, бассейн его лежит в огромной расселине, образовавшейся среди гор, пересекающей хребты с юга на север. Высота его над уровнем моря считается 1 600 футов по исчислению Гельмерсена и 1 700 футов по нашему определению.

Двенадцатого июля мы были у подножия этого озера; кругом круто спускались к нему горы, покрытые синим лесом, напоминающим мрачный вид сибирской тайги. На некоторых из этих гор видны скалистые обнажения. Правый берег был с более отвесными и высокими горами; на нем был хвойный лес; левый берег был положе. Перспектива озера представляла дальние горы, уходившие в тумане; ближайšie бросали резкую тень на воду, симметрично разделяя границы берегов. По мере движения по этому озеру, выдвигались мысы и скалы, среди которых замечательны Яныс-Кочь, Кууган, Чадар.

Эти утесы стоят над водою в самых причудливых формах, камни выходят или вырастают как бы из воды, огромные деревья с вывороченными корнями висят над утесами. Иногда видны песчаные устья рек. Пройдя восточную бухту озера и обогнув мыс Кууган, вдали открывается бесконечный амфитеатр гор.

На востоке виднелись огромные хребты, заходящие за пределы лесной растительности; это был хребет Корбу, дикий, покрытый осыпями и утесами; подножие его оглашал гром ручьев и речки Корбу, несшейся с высоты нескольких тысяч футов прямо в озеро. На западном берегу виден был мыс Чадар, на востоке — мыс Чарлак пред устьем Копши, далее стояли в перспективе несколько сопков, застилаемые синеватым туманом дали и, наконец, величественный и грозный Алтын-Таган, высочайшая снежная гора, спускающаяся прямо в озеро с неимоверной высоты. Воды обширного озера были темно-зеленого прекрасного цвета, переходившие в темный.

К югу озера голые скалистые горы выступали все резче; кое-где мелькали на вершинах белые прожилки снега как молнии, спускаясь извилистыми линиями в лощины. С недоступной крутизны этих гор падали каскадами водопады, издали они казались блестящей чешуей или нитями жемчуга. Когда мы приближались к некоторым из них, как, например, к Лю-Кеспеч, Атанышу, мы видели каменное, отвесное ложе, откуда сверху уступами низвергалась вода, рассыпаясь постоянно белой пеной. Эти водопады неслись иногда с высоты 3-х и 4 т[ыс.] футов, образуя часто крутое падение сажен в 20 и более. Ложе их было часто совершенно сглажено водою и как бы отполировано, местами поток скакал через препятствия и, ударяясь в камни, далеко обдавал брызгами. Часто падение состояло из сплошного пенящегося каскада, который на дне образовывал прекрасный бассейн; из этого бассейна снова вырывалась вода и скакала по уступам. Над водопадом склонялись подмытые скалы сланца, обнаруживая массивные каменные ребра. На нависших балконах этих скал везде вилась свежая зелень, огромные листья бадана, трава и мягкие мхи застилали камни. Кусты калины и акации лепились по кручам, а на нависшей скале иногда висели отвесно гигантские деревья, которые, падая в воду, образовывали причудливые мосты; к этому надо прибавить величественный шум вод, то усиливающий-

ся, то уменьшающийся, походивший то на шипенье ракет, то звучащий металлическим звоном. Этот говор вод среди безмолвной и дикой местности довершал впечатление пустыни. Таковы окружающие виды на Телецком озере.

Озеро это носит название у монголов и калмыков золотого озера — Алтын-Кель, или Алтын-нор. Поводом к этому названию послужил следующий миф, рассказываемый дикарями. Когда-то на это пустынное озеро зашел человек; он был голоден, искал пищи; искал людей, но людей не было; в руках этого человека был огромный кусок золота, но золото было бесполезно в этой пустыне, и он не мог на него купить нескольких зерен ячменя. Тогда этот голодный человек, поняв все бессилие металла, доведенный до отчаяния, в бешеной злобе бросил драгоценный кусок в темные волны глубокого озера и проклял его.

Это озеро было долго пустынно, только несколько урочищ на восточном и юго-восточном берегу озера обиталось когда-то инородцами.

Ныне в 18-ти верстах от него стоит уже русская деревня Кебезень, населенная крестьянами и крещеными инородцами. Благодаря оседлому населению и рыболовам, мы могли получить более точные сведения об озере. По прибавлению к Риттеровой Азии¹ оно обозначено в 175 верст, на самом же деле оно 60 верст. Северо-западная часть его до мыса Куугана равняется 24 верстам, причем на северо-востоке отделяется бухта в 4 версты. Ширина озера на юге до 6 верст, а на севере доходит до 1 версты и при истоке Бии 150 сажен. На озере нет течения, но оно заметно от м. Ажу на с[еверо]-з[ападе]. Глубина озера не исследована, но на середине его против р. Копши раз измерена была глубина в 440 сажен. Озеро замерзает в северо-западной части в ноябре, а остальное — в январе, а иногда и совсем не замерзает, так как лед разбивается ветрами. Очищается от льда в марте и апреле месяце. В озере добывается рыба: осетр до 1 1/2 пуда, тальмень до 2 и 3 пуд., ускуч, щука, хайрюз, окунь, чебак, телецкая сельдь, до 3 фунт. весом и 10 верш[ков] длины, и, наконец, небольшая рыбка *одор*. У русских рыболовов ныне 6 лодок, поднимающих до 150 пуд., длиной до 18 аршин. На этих лодках перевозятся товары торговцев, идущих на Кемчик.

Телецкое озеро посещено было Бунге, Гельмерсеном и Радловым. Мне известен еще путешественник — это директор Томского реального училища, г[осподин] Тюменцев, который совершал здесь естественно-исторические экскурсии; несмотря на то, география этого озера оставляет еще много желать. Полного его описания не существует. Топографическая карта, лучшая в последнее время далеко не показывала всех его притоков, и название рек искажено. Карта Гельмерсена лучше и правильнее, и подробнее, но и она недостаточна. На нашей топографической карте десятиверстного масштаба означено всего 17 рек, впадающих в озеро, по карте Гельмерсена — 27. По составленному нами подробному описанию оказалось 44 реки, что можно видеть на составленной нами карте притоков. Все реки означены теми названиями, которые

¹ Риттер К. Землеведение Азии. СПб., 1860. 572 с. (Ред.)

приняты у туземцев; названия эти до сих пор обыкновенно сбивали путешественников.

Окружающие Телецкое озеро горы точно также доселе мало исследованы вследствие их дикости и необитаемости, поэтому весьма неопределенно назначены на карте. Коснувшись северных предгорий Телецкого озера и осмотрев южные, а также собрав сведения о хребтах между Телецким озером и Катунью, мы получили следующие о них сведения.

Предгорья, начинаясь от Би, тянутся по ее левому берегу, но не представляют замечательных хребтов; более значительные горы тянутся между Улаю и устьями Би, но и здесь перевал из Карасу к Паспаулу был весьма незначителен, он носит название Кериш (спорный). Замечательно, что этот маленький перевал связывает ряд северных хребтов с южными, поэтому черневые татары справедливо говорят, что он идет до Чуи. В вершинах Иши стоит высокая сопка Чептаган, на карте не обозначенная. Эта гора побежденных в память битвы киргизов с калмыками. Проходя по Сары-Кокше, мы видели в вершинах Кору-Кокши горы, достигающие снеговой линии. Это самый значительный хребет от вершин Эликманара, идущий поперек и примыкающий к югу Телецкого озера. На нашей карте мы нашли название этих гор: Белки Куминские. Но на самом деле никакой р. Кумы не отыскалось и никто ее не знает, а есть река Кубе, в вершинах же ее находится гора Кызыл-Таш. Кызыл-Таш идет хребтом к вершинам реки Уйменя и соединяется с Чабдар, горою у Телецкого озера, которая оканчивается Алчелманом и Алтын-Тау. В этом месте горы могут носить скорее название Чобдорского хребта. Они, оканчиваясь безлесной полосой, пустыни и привлекают только калмыков для промыслов зверя. Так как высота этого хребта, увенчанного пятнами снега, представляла особенный интерес для определения в этой широте снеговой линии, то я исследовал высоту Алчелмана и Алтын-Тау. Алтын-Тау доселе никем не посещался и считается у калмыков священной горой, которой приносятся жертвы. Два дня усилий мы употребили, поднимаясь на эту гору. Спутником моим был миссионер, отец Михаил Чувалков, и три охотника калмыков-телесов.

Мы карабкались верхом и пешком по самым трудным тропинкам, прошли лесную и полярную зону и, оставив за собою поля растительности, поднялись на высочайшую сопку Алтын-Тагана; внизу из двух альпийских озер брала начало речка Коледу, спускавшаяся водопадом в Телецкое озеро.

Мы были около пятен снега. Здесь я сделал наблюдения по анероидам и отметил место восхождения; высота эта оказалась 8 260 футов, она же была снеговой линией. С высоты этой горы, опускавшейся крутым утесом, лежало у подножия Телецкое озеро на 60 верст длины. Озеро это представляло очаровательный вид с высоты 7 000 футов. Перспектива, открывшаяся с высот при восходе солнца, так была громадна, что мы видели вершины всех будущих перевалов и снежные ангулапские и чуйские альпы, лежавшие к югу по крайней мере за 200 верст. Дальнейшее путешествие открыло долины Башкауса и Чульшмана. Они окружают путешественника видами дикой и эффектной природы. Над цветущей долиной высятся отвесные скалы и крутые хребты, с которых низвергаются с пеной и шумом множество водопадов. Нередко с гор скалываются огромные осколки скал, подобно каменным исполинам, усеивающим

долину. Самая долина представляет узкую расщелину, образовавшуюся как бы во время переворотов. Несмотря на дикий и угрюмый вид, в этом ущелье ютятся бедное калмыцкое население, шалаши которого кажутся микроскопически ничтожными пред окружающими их громадами. В долинах мы нашли каменные могилы, свидетельствующие о древних жителях; здесь же находились следы сугаков, каналов орошения, что доказывало, что эти места были когда-то обитаемы.

Перевалив с Чулышмана на Башкауз до Улагану и пройдя чрез весьма высокий, но не снежный хребет в вершине Улагана на высоте 6 440 футов, с Башкауса мы направились по речке Квадру и перешли снежные альпы в вершине Курая. Поднимаясь по Квадру, мы достигли лесной полосы и, наконец, коснулись снежного хребта.

Вершины здесь были в значительной степени покрыты снегом, подобно Чуйским альпам и мы поднялись на них для определения снежной линии; эта линия была на высоте 9 000 фут[ов]. Мы поднимались до высоты 9 680 футов, и над нами еще громоздились гребни скал по крайней мере на 1 000 фут[ов]. Близ снеговых пятен мы нашли фиалки, альпийский мак и *aquilegia glandulosa*, венерину колесницу. Пройдя далее несколько верст полярное плато, усеянное альпийскими озерами, мы по весьма крутому склону опустились в Курайскую долину, откуда открылись нам величественные снеговые вершины Чуйских хребтов. Они представляли контраст с теплом и нежной зеленью, господствовавшими на Чуйской долине.

По Чуе мы прошли до Кош-Агача, где 4-го августа нас встретила уже осень, на окружающих хребтах выпадал снег, холодный ветер пронизывал на плоскогорье, но непреодолимое желание влекло нас к Котурским ледникам. Мы продолжали путь с Чуи по речке Чаган-Узуну и, перевалив снежный Чуйский хребет, вышли на Каракем или Тополевку и, наконец, — на Аргут, спустившись с высоты 9 000 фут[ов] на 4 650 фут[ов], долины Аргута.

После ледящего холода на перевале, покрытом вечным снегом, долина Кара-Кема с раскидистыми тополями на устье и роскошной растительностью представила отрадный вид, и теплый воздух казался дышащим южною негою. Исследуя топографию местности, мы нашли, что речки Кара-Кем и Чаган-Узун берут начало из снеговых хребтов и высочайшего из них Чаик-Ту; цвет воды дает основание предполагать, что они вытекают из ледников доселе никем не посещенных¹.

Мы нашли, что притоки рек не совсем точно означены на картах, из Чаган-Узуна по Ело мы перевалили в р. Сай. Исследуя Аргут и его притоки, как реки наименее известные для географов, мы занесли до 65 названий различных притоков Аргута, Кара-Кема и других рек. Аргут или Архыт представляет бурную реку, прорывающуюся чрез Катунский хребет. Когда мы переправлялись через нее на самых маленьких плотиках в 4 и 6 бревен, связанных арканами, течение нас перенесло сажень на 30 в 45 секунд. Отвесные берега, окружающие реку, получили название в географии от первых путешественников Аргутских пропастей, что вполне оправдывается страшной высотой, над которой вьется

¹ Высота хребта, который мы достигли, была здесь 9 798 футов, но горы Чак-Ту, замеченные уже в географии Риттером, как высочайшие горы, выступали еще выше.

тропинка. Река здесь прерывается в глубоком ущелье, она состоит из сплошной белой пены и шум ее подобен раскатам отдаленного грома.

К Катунским альпам мы подошли с юга по р. Кок-су. Пройдя по р. Кок-су с Каракеми, и, переправясь через Аргут, мы вышли на Коксинское озеро 10-го августа. Озеро это лежало на полосе границы лесов; берега его были покрыты альпийскими травами. От озера мы совершили перевал в долину р. Проездной, причем перешли хребет выше лесной полосы около пятен снега, встретив на вершине прекрасное альпийское озеро, окруженное скалами.

Ночевав в сырой долине под дождем, где начали страдать я и мои люди простудой, 12-го августа мы подвинулись по р. Проездной и следовали по ущелью, покрытому густым лесом. Приближаясь к реке Берели с перевала, мы увидели в первый раз две белоснежные вершины Белухи, цели нашего путешествия. Как две сахарные головы ослепительной белизны высоко поднимались они среди других гор. Спуск к Берели был крут и покрыт коряжником и лесом. Когда мы въехали в открытую долину, пред нами расстилалась река илистого молочного цвета. По соображениям, это была Берель. Здесь с нетерпением видеть ледники и обозреть местность, отправив спутников по долине, я решился подняться один верхом на хребет между Берелью и Катунью.

Все склоны были покрыты огромными альпийскими травами, отчасти уже пожелтевшими, несмотря на то, мы встретили здесь альпийскую астру, дикий лук и множество прекрасных фиалок; местами виднелись даже белые цветы земляники. По склонам в Берель бежали ручьи. Среди травы видны были тропинки и дорожки, проделанные медведями, которых здесь множество. По мере подъема долина открывалась во всей ширине, белою молочной лентою по ней извивалась Берель. На левой стороне склоны были опушены синим лесом, в вершине видны были горы, покрытые пятнами снега, превращавшиеся далее в снежные хребты; над долиной носился альпийский орел.

С перевала я увидел во всей ширине долину Катунь и ряд ледников, падавших с величественной Белухи, царящей над другими горами. По ней проносились белые облака. Только на мгновение показывались вершины пиков из облаков даже тогда, когда кругом сияло голубое небо. Вершина Белухи была от меня приблизительно верст за 10, но весь ледник казался в перспективе, как бы версты за 2. В трубу я мог видеть различные подробности. Когда я присоединился к каравану, мы пошли по правому берегу Берели. Путь был каменист и местами лесист, ветви хлестали нас по лицу, лошади спотыкались на грудах камней; так мы подвигались к вершине. Версты за три до истоков из ущелья слева выходила горная речка, впадающая в Берель, около которой версты на полторы тянулось плоскогорье. По описанию Геблера мы догадались, что здесь знаменитый исследователь искал базиса для географических измерений. Приблизясь к истокам Берели, мы увидели прежде всего гигантскую морену. Она представлялась нам сажен в 10 вышины; Берель пробивала путь через нее; выше лежал темный и грязный ледник, заваленный позднейшими моренами. Снег и остатки лавин находились по бокам ледника и спускались в долину. Ледник принимал с[еверо]-з[ападно]е направление. Проехав далее, мы увидели, что позади старой морены выходили два глетчера из ущелья справа и слева; они шли ограниченные моренами, которые составляли значительные валы по

бокам; при соединении ледников шла средняя морена, образуя огромную насыпь и сливаясь со старой. В ущелье видны были сходящиеся ледники и выступы скал, обильно покрытые снегом; они находились на с[еверо]-з[ападе] (NW); снег сыпался в ущелье по уступам и проходил по расщелинам; на с[еверо]-в[остоке] (NO) лежал более пологий ледник. Подвинувшись по плоскогорью, рядом с ледником нам открылся вид на боковую часть морены и главный выход берельского ледника, как и восточного его спутника. Весь ледник представлялся в боковом фасаде, передняя морена казалась выдвинутой полукругом, по сторонам шли крутые осыпи. Ледник на значительное расстояние почти до половины его течения по долине был покрыт камнями и дресвой серого цвета хлористого сланца господствующей породы. На нем видны были трещины по направлению движения и необыкновенно характеристичные полосы, идущие дугами по снежной полосе, выражавшие скорость движения у краев и на середине.

Позиция для изучения положения ледника была здесь весьма выгодная. Пред выходом его в долину, сбоку по правой стороне, между тремя скалами с крутизны впадали в берельский ледник другие три ледника. Главный же ледник по ущелью направлялся на с[евер]-с[еверо]-з[апад]. (NNW). Морены, сопутствующие леднику, видны были ясно. По-видимому, здесь было 4 морены. Две у правого края составляли возвышенную насыпь с крутым боковым падением; вторая — составляла возвышенную дорожку подле первой; третья лежала почти посредине ледника, идя насыпью и потом образуя постепенно концентрические полосы и дуги, распространяясь по снежному полю; четвертая боковая была подобно первой. Вся поверхность ледника была усеяна камнями. К выходу ледника видны были также трещины, косвенные, почти продольные; они шли параллельно ближайшим трещинам восточного рукава ледника, изрезанного поперечными трещинами. Боковые ледники и ледопады упали с вершин главного хребта, отделяющего Катунь от Берели. Вершина хребта обильно была покрыта снегом, который лежал, нависши над скалами шапками. Вблизи с ближайших скал, громоздившихся впереди ледника, мы заметили ручьи, вытекавшие иногда из впадин, или котлов, наполненных снегом, и издали кажущихся белыми пятнами на скалах. Восточный ледник имел более пологое и ровное падение.

Срисовав план и вид ледника, около 5 часов вечера мы вышли на морену восточного ледника, спустясь на нее с боковых возвышений.

На другой день, 14-го августа, в ясный день при $14^{\circ} R^+$, в 9 часов мы снова посетили берельский глетчер и изучали подробности, но следующий день остановил наши работы вследствие непредвиденного события.

Калмыки, теленгиты, приведшие нас с Аргута, проведенные с нами около 7 дней, заявили решительное нетерпение оставаться с нами и желание возвратиться домой на Аргут (Архыт). Оставление нас нашими проводниками и подводчиками с лошадьми могло поставить нас в самое критическое положение: мы были в совершенной пустыне, и ближайшие поселения были за 80 и за 150 верст. Между тем посланный мною переводчик киргиз за сменными подводками и наемкой людей еще не возвращался. Сколько я ни убеждал теленгитов, что сменные подводки должны явиться через несколько часов, жажда свобо-

ды в дикаре и страсть, охватившая их отдалась охоте за сурками, не внимали никаким обольщениям вознаграждения. Они сделались угрюмы, недоверчивы: между ними образовался заговор и двое из калмыков подводчиков бежали с лошадьми в это утро. Угрожали то же сделать и другие. Чтобы предупредить опасность, угрожавшую нам, и остановить развитие заговора, а также занять калмыков, я приказал выючиться каравану и повел его обратно вниз по Берели, навстречу, откуда ждал переводчика и новых подвод. Через 2 часа, в полдень того же дня, я увидел в трубу по долине, к общей радости, шедших нам навстречу новых проводников, бухтарминских киргиз. Рассчитавшись с калмыками и перевеючив караван, я поручил своему спутнику вести его в вершины Катуня, к Катунскому леднику и подножию Белухи, а сам решился совершить в это время экскурсию на Рахмановские ключи, взяв с собой одного проводника киргиза. Сделав в этот день до 30 верст чрез хребты, я ночь переночевал в полуразрушенных избах на Рахмановских горячих ключах, известных под именем Аржана. Здесь я нашел наутро прекрасное озеро и около него горячие источники; измерив температуру воды в ваннах, или ямах, доходившую до 29°; обзрев местность, я в тот же день поспешил назад на соединение со своим лагерем. Обратное пришлось сделать 40 верст без отдыха и перевалить через три хребта. Заставшая меня ночь заставила долго блуждать, отыскивая лагерь в самой вершине Катуня. Окружавший нас мрак, бушующие горные ручьи, обрывы, осыпавшиеся камни под ногами лошадей и опасение не найти неизвестно где расположившийся лагерь — заставили пережить несколько мучительных часов.

Под унылые окрики киргиза, походившие на крики отчаяния, и воззвания о помощи среди грозного шума вод, в окружающем мраке, я жадно искал признаков света, но предо мной выступали только обманчивые огни, вспыхивая то здесь, то там и довершая томительную иллюзию, а истощение сил давало себя чувствовать головокружением. Чрез несколько часов оживленный крик проводника показал, что вновь открытая полоса света была уже не мираж. Зато наутро опасности ночи совершенно забыты перед величественным зрелищем, открывшимся пред нами в перспективе: мы были у подножия сибирского Монблана.

Наш лагерь стоял на плоскогорье, на левом берегу Катуня, версты за 2 от начала ледника. Справа от нас и слева по течению спускались склоны гор; сто (100) футов выше нас была граница лесной полосы, в долине лежали снежные пятна, остатки упавших лавин.

Катунь вилась белою лентою с мутными водами от песка морен сажени 4 шириной. Две белоснежные вершины Белухи, Катунские столбы, как и ледяное море, спустившееся в долину, были счастливо открыты для нас во все время наблюдений. Слева на з[апад] выдвигалась серая конусообразная скала, кончавшаяся шпилем, на вершине ее едва был вкраплен снег. Два снежные конуса Белухи соединялись поперечным хребтом, как бы мостом, покрытым снегом, с которого спускались глетчеры. От поперечного хребта отделялась огромная стеновидная скала, как перегородка, разделявшая ледник на 2 потока. Между этою скалою глетчер выходит двумя воротами, при весьма крутом падении, образовавшем огромные ледопады. Далее ледник принимал наклон-

ное и менее отвесное положение, образуя ледяное поле, расположенное в долине. Это было огромное от 300—400 сажен ширины *mer de glace*¹ сибирского Монблана. На нем резко обозначались даже издали 4 длинные морены — две средних и две крайних; в конце морены рассыпавшись по леднику, покрывали его грязным налетом; у подножия его лежали гигантские насыпи старых морен. При дальнейшем изучении, мы увидели, что ледник, обогнув поперечный скалистый гребень, падал с запада двумя рукавами, пробиваясь среди скал; из-за западного шпиля выходил боковой глетчер с крутым ледопадом и огромными моренами; движение этого бокового глетчера образовало среднюю морену на главном поле, как слитие восточного и западного ледника образовало другую среднюю морену. На западной стороне между двумя острыми шпильевидными скалами лежал еще снежный резервуар, который при нас соединялся с долиною ручьем. Восточный ледник представлял котловину и принимал на с[еверо]-в[остоке] новый ледник. Таким образом, мы насчитали до 6 рукавов снабжавших главный глетчер. У скалистой поперечной стены, которой мы достигли на другой день, сходились главные три ледопада.

Разветвление и положение ледников нанесены были нами на план.

Для подробного исследования ледника вблизи, 17 августа мы двинулись к его подножию. Проехав с версту по долине шумящей Катунь, мы встретили висящий слева от нас величественный и прекрасный водопад, спускавшийся с горы двумя огромными каскадами, которые разбивались о встречные камни в пыль и исчезали в брызгах, в которых при солнечном освещении постоянно играла радуга. Падение его было не менее 1 000 футов высоты; от низвержения его стоял рев в долине, заглушавший шум Катунь. Он несся с террасы горы, за которою видны были острые скалы с ниспадающим снегом.

Приблизясь к леднику, мы, прежде всего, увидели впереди главной морены, саженях в 20-ти, холм в 6 сажен из камней и щебня подобно острову, покрытому пихтами и вереском, который огибала Катунь, выходя из ледника с левой стороны. Холм этот доказывает, что когда-то Катунский глетчер был гораздо длиннее. По догадке Геблера, видимый холм был остаток смытой старой морены. Соображение это действительно имеет полную вероятность, так как на лево от холма прошла Катунь, а направо видны следы старых потоков. Таким образом, два источника из ледника промывали долину и, смыв сплошной вал старых морен, оставили только средину его в виде холма. Впереди новых, позднейших конечных морен, мы находим подобные насыпи, среди которых находятся разрывы, сделанные ручьями, образовавшими из сплошного вала подобные же холмы. Несколько холмов, лежащих впереди новейшей морены, указывают отступление ледника.

Перейдя ряд этих старых морен, мы поднялись на позднейший вал, покрытый щебнем, осколками и глыбами острых камней. Под ними обнаруживалась мощь ледника сажен в 15 толщины. Конец его был покрыт грязью и камнями; он представлял местами размытые и растрескавшиеся массы льда, перемешанные с грязью и обломками камней. Повсюду журчали ручьи, в которые по временам сваливались камни и целые глыбы с бульканьем и шумом. Видно, что в

¹ Mer de glace - ледник. (Ред.)

области таяния ручьи эти производили разрушительное действие. Они разрезывали ледник вдоль, затем уже на нем образовывались поперечные трещины по мере напора сверху и тогда куски тающего льда отваливались и падали в струящиеся около них потоки. Такие обвалы были весьма значительны, они состояли из огромных глыб. Накануне люди мои, приблизившись из любопытства к леднику, случайно, будучи свидетелями подобного обвала, пришли в ужас и бежали с ледника. Осколки ледниковых глыб не могли разом исчезнуть, и на конце ледника совершилось постепенное их таяние. Это таяние оставляло грязь, сопки, насыпи и куски щебня, из которых образовалась морена. Таяние избороздило конец ледника самыми причудливыми пещерами, сводами и холмами. Пройдя несколько шагов по насыпям и оторванным глыбам, мы не могли без восхищения и изумления остановиться на главных истоках Катуня. Одна из ледяных глыб лежала огромным сводом, под арками которого выбегала Катунь; со сводов капала вода, у подножия лежали обломки камней и льда, река в виде ручья пробивалась здесь под ледником из темной щели. Этот исход Катуня из-под арки был срисован художником, моим компаньоном; он находился в 600 арш[инах] (200 сажен) от начала морен. Эти своды ледника постоянно разрушаются в течение лета. Мы застали в конце августа наибольшее разрушение их. Катунь текла из-под ледника; в другое время над нею существует целая ледяная пещера, в которую, по уверению охотников, свободно заходят табуны маралов. Другая ветвь Катуня пробивала себе дорогу сверху через трещину вдоль ледника и низвергалась каскадом через лед в темную пропасть.

На поверхности ледника струилось множество ручьев с температурою в 0,5 и 0°. Таяние на леднике было повсеместное. На воздухе температура была в продолжении дня 13 [градусов]. Местами среди снега стояли резервуары воды. На расстоянии 500 сажен от начала ледник принял волнообразный вид, изрытые трещины эти доходили от 2 четвертей шириною до сажени. Края их были широкие, овальные, внизу они суживались. На конце ледника было наоборот. На дне этих трещин также виднелись глыбы камней, вода же стояла в спокойном состоянии, как в озерах. Лед в трещинах был прекрасного зеленоватого цвета.

18-го августа, вдвоем с моим товарищем, мы решили проникнуть как можно далее к леднику, взяв двух киргиз, вооружившись anerоидом, термометром и альпенштоком и оставив все ценное с дневниками у Геблерова холма на предмет случайностей. Накануне я убеждал берельских крестьян сопутствовать нам, но они не пошли. Мой сотоварищ отправился на условленный пункт вперед меня. Я пошел его догонять. В 11 часов достиг оставленного накануне ледяного поля и продолжал путь. В этот день мы прошли по всему ледяному полю до 3 верст. Ледник представлялся мне выпуклым; он был волнообразен и часто выступал гребнями. Грязевые полосы и камни сопутствовали впадинам. Вместо ручьев попадались воронкообразные колодцы, наполненные ледяной водой; жажда меня часто мучила при скорой ходьбе, и я пил эту воду, но она не утоляла жажды. Местами песок и камешки, притаивая во льду, образовали причудливые соты. Воронкообразные колодцы открывали чистое строение льда зеленоватого и голубоватого цвета. Ледник перерезывали трещины, и мы должны были лавировать между ними и высокими валами морен. Иногда приходи-

лось проходить по гребню между двумя трещинами. Мы поднимались и спускались по гребням и снежным волнам глетчера, догоняя нашего товарища; таким образом мы прошли около 2 верст, а спутник наш казался все еще миниатюрной точкой на этом огромном ледяном поле. Мы сошлись и приветствовали друг друга у конца *ter de glace* у поперечного гребня скалы, опершегося на главный хребет, из-за которого спускались ледопады. Усталые, мы забрались на крайнюю морену, вышиною в 5 сажен у конца скалы. Здесь мы отметили показание анероида. Высота глетчера, при слиянии ледников была 8 520 футов.

Здесь на самом ближайшем расстоянии мы могли осмотреть вздымающиеся перед нами две снежные сопки Белухи, ее характеристичные рога, лежавшие версты за 2 от нас. Восточный рог был несколько овальнее и ниже; на нем видны были утесистые обрывы, на которых не мог держаться снег и происходили снежные обвалы. Западный был чистым снежным конусом, снег, спускаясь с вершин, имел местами поперечные разрывы. На склонах выступали острые скалы, между которыми глетчер пробирался «ледяною змеею». От двух рогов ледник шел 3-мя рукавами, представляя до слияния с главным руслом у гребня множество ледопадов. Мы стояли теперь у их подножия. Эти ледопады располагались по правую и левую сторону гребня. Падение их представляло неправильные ступени и ребра причудливо нагроможденного снега и льда; они казались белоснежными сверху и на боках окрашивались зеленоватыми оттенками; целые столбы, башни, пирамиды и обелиски громоздились здесь. Эти гигантские постройки висели на склонах и временами падали с потрясающим шумом. Ледник оглашался тогда пушечным выстрелом от падения глыб льда, временами были слышны глухие раскаты падения отдаленных лавин, к этому присоединялся звук падающих в трещину камней, — все это наводило панику на наших проводников, испускавших иногда крики страха и изумления. Но тем торжественнее и обаятельнее была эта обстановка, среди которой мы не могли не чувствовать некоторой гордости. Несмотря на то, что с каждой экскурсией мы чувствовали себя все смелее на леднике, привыкая к его обстановке, однако мы должны были ограничиться в своих желаниях и, удовольствовавшись снятыми планами глетчера, подумать о возвращении, которого с нетерпением ждали наши люди. Сезон 19-го августа в ледниках не обещал также долго благоприятной погоды. Последний раз на леднике нас застала буря. В этой грозной обстановке альпийского мира, в снежной пустыне, в конце августа мы были совершенно одиноки, лишь с несколькими робкими инородцами.

При возвращении с вершин Катуня, я попробовал подняться на хребет, соседний с Белухой, по правую сторону Катуня и достиг снежной линии и остроконечных пиков. Пятно снега лежало на ю[го]-в[остоке]; показание анероида дало 9 110 футов. Ближняя скала поднималась еще футов на 300, а Белуха на 2 500 футов приблизительно.

При спуске с этого хребта мы видели верхушки хребтов на юге и могли отличить снежные конусы Нарымского хребта; за ними виднелся еще более снежный кряж на ю[го]-в[остоке]. Это был, вероятно, загадочный Тобын-Богдо, узел Большого Алтая, никем еще не посещенный. Посещение этого хребта могло бы представить еще больший интерес для географии.

Мы с некоторою грустью оставили эти места, где каждый шаг приковывал внимание и вызывал на исследования. Неизвестно, на сколько времени эти сибирские альпы останутся опять в своей печальной неизвестности. Перейдя Катунский хребет мимо Тальменьего озера на высоте 5 000 футов, окруженное величественными горами, мы явились на Уймон. На этой мы собрали сведения о всех перевалах чрез хребет. Они существуют по Мульте и Курагону.

С Уймоны, отправив своих усталых людей, я желал обогнуть с севера хребет и, взяв проводников, отправился уже в сентябре месяце. Я проехал по Катунни до деревни Котунды; поднявшись здесь на соседние горы, обозрел северные склоны Катунского хребта; причем Катунские Альпы и Белуха с севера представляла три пика: один куполообразный и два крышеобразных, почему по-калмыцки получила название Уч-Сюри — три шпиля, или три сопки.

Далее я еще раз увидел те же вершины уже с востока, идя с Котунды, перевалил еще раз через Чуйский хребет и достиг устья Чуи. Катунь здесь была подобна Аргуту и делала прорыв среди хребтов, бушуя с диким шумом в ущельях. Желая осмотреть пути на Чую по предполагаемому направлению от Котунды для обхода бомов к Кош-Агачу, я проехал по прекрасной Уймонской долине, далее по Катунни вышел к р. Эбель, перевалил еще раз Чуйский хребет и выйдя на Чую, осмотрел все 19 бомов, утесов, преграждающих путь. По этой дороге составлен мною особый маршрут, ввиду особенного значения дороги. С Чуи в сентябре месяце я проехал на Онгудай, затем на Кеньгу к Усть-Кану и чрез калмыцкий район 6-ти дючин возвратился поздною осенью в Бийск.

Тою же осенью я успел еще посетить Кузнецкую чернь до улуса Кузудеева, чтобы видеть быт кузнецких черневых татар, в октябре месяце был в Томске, а в ноябре — в Омске.

Результатом настоящей моей поездки были: 1) подробные маршруты и описания пройденных местностей; 2) метеорологические наблюдения и определения высот по имевшимся 2 anerоидам; 3) географическая карта снятого мною Телецкого озера со всеми притоками; 4) карта Чуи и ее притоков; 5) виды и план Катунских глетчеров¹.

По части этнографии мною собраны материалы для описания алтайских народностей, причем делались антропологические измерения, рисовались типы, жилища и проч. Все исчисления и антропологический материал передан мною в Московское антропологическое общество для научной оценки. Для видов у меня работал художник И.И. Лавров и фотограф г[осподин] Ефремов. Значительную часть рисунков я выполнял в Петербурге на свой счет. Как по этнографии, так и по археологии края я заносил все встречавшееся замечательным на пути, каменные бабы, городки и проч., и ныне доклад о них представлен в археологическое общество.

Представляя скромные труды свои вашему снисходительному вниманию, я должен прибавить, что я только отчасти мог выполнить обширную программу внутреннего исследования Сибири.

Настоящий отчет составляет вступление к более подробному изложению дневников и наблюдений, которые, исправленные, мною будут высланы.

¹ О ледниках в декабре месяце 1881 года мною сделан доклад в Петербурге, в геологическом обществе при Петербургском университете.

Настоящей экспедиции я посвящал особые заботы и делал все, что было в моих силах. Не могу умолчать, что я встретил добровольных помощников в моих товарищах по путешествию — это были местные уроженцы, у которых проявилась любознательность к исследованию родины. Я встречал сочувствие и содействие других лиц, как отцов-миссионеров; и этим обязан тем, что интерес, возбужденный деятельностью Западно-Сибирского отдела Императорского географического общества, и его обращения разрабатывать науку в крае не оставались без ответа и находили отзыв в отдаленнейших окраинах нашей Сибири.

ГЛАВА II ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Приступая к изложению этнографической части моего отчета о поездке моей в Горный Алтай с целью исследования алтайских инородцев, я должен сказать, что она была вызвана мыслью изучения вообще инородцев в Сибири, предложенной Западно-Сибирскому отделу Императорского географического общества и принятой им по определенно выработанной мною программе, внесенной мною в отдел в 1880 году.

Дело, предпринятое в настоящем случае Отделом, и выказанное им намерение имело особенное значение в виду местного и постоянного, а не временного изучения инородцев, причем можно было бы судить о постоянно совершающихся изменениях инородческого быта.

Сибирь, как известно, представляет обширное поле для этнографии и изучения рас со всеми совершающимися над ними изменениями под влиянием времени и культуры.

Поставив целью ознакомиться с инородческим вопросом в Западной Сибири, я имел случай сосредоточить в своих руках многие официальные и неофициальные сведения о расположении инородцев и настоящем числе их. Результатом этих работ составлены мною статистические сведения о существующем числе инородцев¹. На основании этих сведений я позволю себе коснуться той картины, какую представляют собою эти инородческие племена в Западной Сибири, а также выскажу те соображения, которые побудили меня начать этнографическое исследование с одной из этих народностей алтайских.

Инородческие племена в Западной Сибири, сообразно этнографическим особенностям, распространяются следующим образом. В северной Сибири располагаются финские племена — вогулы и остяки, последние смешиваются с самоедами; финны занимают округа Тобольской губернии — Туринский, Березовский, Сургутский и часть Тобольского; в Томской губернии они расположены в Нарымском участке по Васюгану, Парабели и другим рекам. Тюркские племена занимают среднюю и часть южной Сибири, они населяют Тобольский, Тюменский, Тарский, Ялуторовский округа, далее Томский,

¹ О современном положении инородцев в Сибири и новейшие статистические сведения о расположении племен составляют отдельную часть моего труда, ныне почти тоже оконченного.

Мариинский, Каинский. Наконец, массу тюркских племен составляют алтайские племена Кузнецкого и Бийского округов.

Юг Сибири, Акмолинская и Семипалатинская области, заняты киргизами. По последним статистическим исследованиям, которые мы производили, оказывается, что тюркское население преобладает над финским. Финнов в Тобольской и Томской губерниях 43 467 мужских душ, если же мы выделим 10 832 души самоедов, то их окажется еще менее. Татар, исключая алтайцев, в двух губерниях 50 466 душ и алтайских тюрков 48 258. Таким образом, они составляют огромное большинство инородческого населения Западной Сибири. При распределении по округам и процентному отношению к русской народности видно, что в Тобольской губернии, в Березовском и Сургутском округах, инородцы превышают число русских; в Тобольском округе их 16% на русское население, в Тюменском 9%, в Тарском 7%, в Туринском 6%, в Ялуторовском 3%.

В Томской губернии наибольший процент инородцев в Кузнецком округе — 16%, в Бийском — 12%, в Томском с Нарымским участком — 7%, в Мариинском — 2%, в Каинском — 1% и в Барнаульском — 0,56%.

В средней Сибири инородческое население является вкрапленным среди русского, на окраинах оно представляет сплошную массу. Русские, застав инородческое царство в Сибири, только раздвинули инородцев и оттеснили их к окраинам. Но тем не менее около широкого русла, где водворилась русская народность, соединилось много элементов инородческого типа, беспреданно на нее воздействующих. Два видных явления вследствие этого отражаются на жизни и истории Сибири. Первое — слитие и скрещивание с инородцами, которое отражается на русских жителях изменением типа и восприятием инородческих привычек. Второе — воздействие на инородцев русской народности.

Несмотря на это, весьма важное явление в жизни Сибири, самое происхождение, быт и нравы инородцев далеко не определены и не выяснены.

К таким весьма мало известным племенам принадлежит алтайская народность, несмотря на то, что значение ее в истории Сибири огромно. Эта народность, как доказывает язык и происхождение, находится в историческом родстве со всеми татарами Тобольской и Томской губерний, хотя и изменившимися под влиянием воспринятого магометанства. Без изучения алтайцев трудно дать понятие о сибирских татарах, которых застали русские, и потомки которых сильно видоизменились в местах уже занятых русским населением. В Алтае, можно сказать, находится метрополия сибирских тюрков. Здесь же приходится искать ту цепь родства, которая связывает сибирских инородцев с племенами Средней Азии и Монголии.

Вот что меня заставило остановиться на этой колыбели народностей и начать изучение обширного инородческого царства сначала с бийских и кузнецких инородцев, где в нетронутой еще местности я рассчитывал найти путеводную нить к изучению, так же как образцы и памятники первобытной культуры.

В собственном смысле алтайцы или племена, населяющие Кузнецкий и Бийский округа, носят различные местные названия, данные русскими, а именно: 1) черневых татар; 2) кумандинцев; 3) телеутов; 4) телесов; 5) алтайцев-ойро-

тов или алтайских калмыков; 6) чуйских теленгетов. При этом надо заметить, что название калмыков дано алтайцам русскими, а самим им это имя неизвестно, таково же название черневых татар, которые себя называют большею частью туба, тубалоры или ииш-кижи. Расположение этого населения и названия его сплошь и рядом смешиваются в этнографии. Так, на этнографической карте Азиатской России, составленной по Венюкову, телеуты означены занимающими все пространство между Катунью и Телецким озером и даже район алтайцев-ойротов. На самом деле телеуты или телеутские волости расположены в Кузнецком округе близ Бачата, в Томском округе, и только часть телеутов переселилась в Найму и Улалу — миссионерские селения. По Бии нет вовсе телеутов и то, что Гельмерсен принял за них (См. его путешествие «Телецкое озеро и телеуты»), оказались кумандинцами и по костюму, и по образу жизни. Жители по Телецкому озеру, по Башкаусу и Чулышману и доселе называют себя телесами, но название телес пропадает на Чуе. Что телеуты и телесы были не одно и то же, видно из того, что в 1652 году, по свидетельству Фишера, последние были подчинены и покорены телеутами. Чуйские теленгеты составляют две расы, они называются иногда урянхайцами. Говорят, что китайцы называют урянхайцами даже жителей около Телецкого озера, т.е. телесов, присваивая им название алтын-норские урянхи, но и это смешение оказалось неверно. На Чулышмане есть настоящие урянхайцы, это саёнцы или сойоты с Кемчика, вышедшие сюда вследствие голодов. Урянхайцы живут южнее по Кемчику, по озеру Косоголу и часть их между Кобдо и Черным Иртышом.

Обозрев район по Бии, затем от селения Макарьевского на Улалу, проникнув до Телецкого озера и далее по рекам Чулышману и Башкаусу, мы постарались определенно отметить район расположения различных инородцев. Из этого обозрения оказалось, что по Бии от Енисейской волости по Чейше и Ише расположены кумандинцы. От Улалы до Телецкого озера находятся семь волостей черневых татар туба, с особым родовым названием каждой волости. Район их оканчивается на севере Телецкого озера, где мы нашли еще аул Кергежской волости черневых татар. Телесы ныне находятся на урочище Беле, по южной стороне озера и по р. Чулышману. По правому берегу Катуня и ее притокам справа расположена 1-я Алтайская дючина, или волость, остальные 6 дючин находятся по левой стороне Катуня, по Урсулу, Кану, с севера ограничиваемые русскими волостями, к югу Уймонской управою и Катунским хребтом. Две Чуйские дючины живут по Чуе, Аргуту, Чеган-Усуту, Кара-Кему и Тополевке; в своей поездке мы достигли крайних пределов этого поселения.

Таким образом, пришлось определить Statu[s] quo проживания нынешних алтайских инородцев. Везде, где мы могли, записывали роды, или *сююки*, от которых алтайцы считают свое происхождение. Из исторических преданий, у телеутов сохранилось более чем у других воспоминаний о передвижениях. Из них видно, что это было обширное племя, расположенное по Томи и отчасти по Иртышу. У них упоминается Иртыш и река Ак-Умар, причем отличается Ак-Умар (Белый Умар) и Кок-Умар (Синий Умар); отсюда, по их преданиям, они перешли на р. Кулунду и Талду (может быть, Кулундинская степь), где их начали беспокоить киргизы. У телеутов были вожди когда-то Мамыт и Балык.

Подданные Балыка находятся ныне под Томском. Таким образом, телеуты — это рассеявшееся племя алтайцев.

Телесы пришли, по преданиям, с р. Эдиль-Текес. Эдиль-Яик и Эрен-Кабьрга (реки эти остаются мистическими) играют видную роль в песнях и преданиях алтайцев.

Черневые татары, живущие между Катунью и Телецким озером, говорят, что они сыздавна жили в черни, в лесу, и что земли по правой стороне Катунь были всегда их землями. Чернь леса они воспевают, как свое отечество. Когда-то они платили подать ойротам (под именем ойротов сохранилось воспоминание об Ойротском союзе во всем Алтае). Ойроты рассказывают, что они жили на Имен-реке и собирали подать с черневых весной, что было им весьма тяжело. Тогда, говорит предание, явилась женщина, которая пропела песню начальнику ойротов:

Всякий жеребец имеет приплод весной,
А всякий царь собирает дань осенью.

Это убедило ойротов изменить время сбора дани. Телесы и чуйцы еще весьма недавно были подчинены китайцам и платили ясак русским, почему слыли двоеданцами. О владычестве китайцев у них сохраняются еще живые воспоминания. Не касаясь пока исторической стороны вопросов о переселениях племен, мы обратимся к этнографическим наблюдениям.

До сих пор над алтайскою народностью производились только лингвистические изыскания, язык ее оказался тюркским с различными видоизменениями, но лингвистические изыскания, делая весьма важные указания, конечно, не могли исчерпать вполне вопроса. Алтайская народность носит столь разнообразные типы, которые скорее указывают здесь на конгломерат, собрание народностей, подчинившихся когда-то сильно тюркскому влиянию. Лингвисты обыкновенно пользуются для классификации рас и племен, для выражения существующих между ними сходств и различий, данными и признаками, взятыми из изучения языка этих племен, но в последнее время этнографией в связи с антропологией установлен другой род более постоянных физических признаков.

Мы старались составить подробное описание типов алтайских народностей, для чего прибегли к измерениям, наконец, составляли рисунки типов. Мы обратились к этому способу, потому что нам казались неудовлетворительными общие и поверхностные описания признаков при том разнообразии типа, который здесь встречается.

Рассматриваемые с этой антропологической точки зрения алтайские народности, судя по собранным данным, представляют значительное разнообразие. Уже прежние путешественники замечали среди алтайских северных народностей типы, которые давали им повод делать заключение о смешении тюрков-алтайцев с финскими племенами. Наружные признаки по первому впечатлению дали повод Гельмерсену сравнить виденных им черневых татар Бийского округа с чухнами Финляндии. Как мы убедились сами, инородцы эти могут оставить подобное впечатление. Безбородые лица черневых татар и кумандинцев с прямыми космами и полуоткрытыми глазами действительно весьма напоминают финнов, около Кузнецка мы встретили крещеных татар в кошмных пальто, с

трубками в зубах и в картузах, которые еще более напрашивались на сближение с чухнами, но мы постараемся удержаться от окончательного заключения по наружному виду до разработки материала. Все, что мы заметили, и что можно выяснить, это то, что татарско-монгольский тип, господствующий на юге Алтая, превращается на севере, в лесах Бийского и Кузнецкого округов в более чистый, почти европейский тип. Так называемые черневые татары резко выделяются от смежных телеутов, алтайских калмыков и чуйских теленгитов.

Наиболее типическое население — это кумандинцы, отделенные с юга от смешения с алтайцами бийскими черневыми татарами, от телеутов черневыми же татарами кузнецкими. В этих волостях мы встречаем типы более близкие к кавказскому, чем к финскому. Скуластость пропадает, глаза полуоткрытые голубого цвета, волосы каштановые и белокурые. Мы поражаемся иногда замечательным сходством с русскими лицами, белокурость детей еще выступает резче. (Это можно видеть из наших медальонов: у некоторых по цвету волосы совершенный лен). Правда кумандинцы ведут уже оседлый образ жизни, поэтому здесь любопытно наглядно изучить каким образом другие условия жизни влияют на изменение того же типа¹. Но и среди кочевых алтайцев семи дюжин, мы не нашли далеко тех признаков смуглости, которые ранее предполагались. По сравнению с хроматическими таблицами оказалось, что у алтайцев встречается немало волос каштановых, но не черных как смоль. Цвет кожи, если мы устраним загар, весьма светлый и попадаются также субъекты голубоглазые. Таким образом, по этим следам уже видно, что алтайские народы носят признаки смешения с какими-то другими племенами и составляют переходный тип. Здесь происходило какое-то слитие рас. Может быть, это след великих передвижений, может быть, наследие поглощенных и исчезнувших аборигенов, могилы которых, отличные от алтайских, сохраняются еще в долинах Алтая.

Несомненно, что алтайская раса одна из переходных рас к чистому европейскому типу². Точно так же представляют значительное разнообразие алтайские народности и в культурном отношении. У нас принято всех их считать кочевниками, а черневых татар какими-то дикими звероловами.

Что касается кочевников, то это понятие, смеем заметить, допускающее весьма широкое толкование в Сибири. От блуждания в лесах, от жизни народа, перекочевывающего со стадами до оседлого быта, человечество прошло ряд бесконечных степеней. Физические и топографические условия природы обуславливают человеческое передвижение и самые способы жизни. Это легко видеть на алтайских народностях.

В Горном Алтае мы видим, что алтайский скотовод далеко не таков, как номад-киргиз или монгол, горы и горные долины замкнули его передвижение, перекочевки и ограничили их в несколько верст, способ перекочевки иной, только на плоскогорьях Алтая видны привычки кочевника Монголии, пришедшего с привольных степей.

¹ На Мрассе встречается население белокурое и русое, как нам передавали, хотя оно живет дикарями и отдельно от русских.

² Алтайца, при смешении с русскими, можно отличить: у него выходит тип башкирский, но у черногого татарина инородческий тип исчезает быстро, почти в первом поколении. Наблюдение сделано над метисами.

Леса среди той же горной местности еще более замкнули и сузили переходы населения, они создали особенную форму быта оседлых охотников или полукочевников. В этих лесах находятся как бы первые зародыши оседлости, по этому можно судить, что леса имели огромное значение в прикреплении человека к земле. В нашем Алтае мы встречаем оригинальную форму быта лесных кочевников, таково население Бийской и Кузнецкой черни. Их жилища, кроме шалашей, деревянные, четырехугольные. Эти жилища не переносятся, хотя лесной кочевник имеет летовку и зимовку для скота, но лес ему позволяет переходить только на 2, на 3 версты. Он почти оседлый житель.

В черни и лесах мы встречаем несколько типов жилищ, служащих переходными степенями, начиная от простого шалаша из еловых деревьев елюты, аланчек, покрытого берестой, род финского *кота*. При дальнейшем развитии у степных кочевников шалаш этот переходит в юрту, у лесников в четырехугольную досчатую хижину *яиду*, имеющую вид шатра, которые встречаются на Бии и на Телецком озере, представляя собой четырехугольный шалаш без окон. Бревенчатый шалаш, покрытый землею, составляет зимовку; здесь является уже окно (кузенок); первоначально оно наверху затянуто брюшиной и переплетено прутьями — начало рамы. Наконец, в той же зимовке является уже глинобитная печь — чувал. Зимовка далее начинает строиться из бревен в 6 рядов, крыша скатом, покрытая землей, окно появляется на боку. Впереди зимовки делается род сеней, досчатый забор от снега. Внутренность подобного жилища также совершенствуется; является кругом род лавки, покрытой берестами; вместо очага печь; дверь прикрепляется на первобытном шарнире с ремешком. Летовка и зимовка стоят рядом, и первая может превратиться во вторую.

С другой стороны шалаш, состоящий из жердей и связанный двумя обручами, у скотовода-алтайца обволакивается кошмою, это начало юрты. Затем появляется подвижная юрта, подобно киргизской, но без чегарак — круга, хотя и с отверстием для дыма. Передвижная юрта по своим подробностям одно из совершенных жилищ с замечательными приспособлениями. Форма ее, наиболее удобная для сопротивления ветру — сферическая, жилище, окутанное кошмою, тепло, все части ее складные и удобны для перемещения. Но у кочевых алтайцев и у черневых существует еще переходная форма — это шести и восьмиугольная бревенчатая юрта с конусом наверху, такова зимовка скотовода. Человеку, привыкшему к круглому помещению, немислимо перейти к четырехугольному, и он изобрел многоугольный сруб, заменяющий ему старую юрту с очагом посредине.

Таковы постепенные переходы к избе и четырехугольному срубам. Зимовки уже начало избы. Еще шаг и вы замечаете совершенно осевшее население кумандинцев с оседлостью в самой первобытной форме, с жилищами, в которых уже создан первообраз печи — чувал, и изба называется *сла*. Несмотря на то, что кумандинцы усвоили оседлость, являющийся позыв переселяться из одной деревни в другую чрез несколько лет, костры во дворах и приготовление пищи на воздухе напоминают их старые привычки.

В ряду этих жилищ мы встречаем драгоценные указания на все переходы к оседлости. Полукочевой быт, или переходный быт, встречает представителей

у многих инородцев. Есть так называемые оседлые охотники и рыболовы, таковы по описанию Альквиста вогулы. Часть остяков и самоедов живут в лесной полосе и обладают избами. Иногда эта оседлость стоит рядом с звероловным бытом, и переходы совершаются в одном и том же племени; когда часть народа стоит на степени бродячих дикарей, другая часть начинает уже оседать. В переходных степенях инородец на распутье усваивает несколько образцов жилищ, у него сохраняется старый чум, шалаш, аланчек, или сюсолты, но рядом находится и зимовка, изба, скотный двор, кладовая. Даже инородцы, усваивающие русскую оседлость, и так называемые новокрещенные в Алтае не могут сразу примириться с избою, но в Улале и других миссионерских деревнях мы находили подле избы обыкновенно юрту или шалаш, где инородцы живут летом. Подобные шалаша, употребляемые рядом с избою для хозяйственных принадлежностей, замечены и у вотяков по Казанской губернии, называемые Куала. (Описание вотяков Казанской губернии — Островского).

Точно так же, как у звероловов, так и у кочующих скотоводов, виден переходный быт. Зимовки их понемногу группируются в деревни, превращаются в избы и население половину года живет совершенно оседло. Таков быт оренбургских башкир.

Проезжая здесь зимою и встречая прекрасные постройки с чувалами и хозяйственной обстановкой, трудно заподозрить, чтобы это население было кочующее. Ясно, что здесь один шаг до оседлости. Этот последний шаг мы встречаем у оседлых инородцев Бийского и Кузнецкого округов, а также и у сибирских татар. Они сохраняют древние постройки, избы с нарами, чувалами, но уже не кочуют. Есть свидетельства, что сибирские татары совершали этот переход еще до пришествия русских.

Эти постепенные переходы и изменение формы жизни, совершающиеся под влиянием вполне естественных побуждений, вызываемых обстановкой природы, открывают нам многое в истории культуры и освещают постепенные переходы человечества.

Что касается промыслов и занятий, то до сих пор принято разделять народы на звероловов, скотоводов и земледельцев, обуславливая этим высоту их культуры и степень развития. Разделение это, верное исторически и схематически, много сбивало людей, заочно представлявших быт инородцев и его промыслы. На самом деле, как трудно провести грань между полуседлым состоянием и оседлым, так трудно сказать, что известному племени свойственно одно занятие.

В первобытной культуре дикарей мы встречаем зародыши как звероловства, так скотоводства и земледелия. Алтайские инородцы представляют собой пример соединения в своей жизни промыслов. Земледелие находится как у кочевых алтайцев скотоводов, так и у лесных дикарей, наполовину охотников. Только это земледелие первобытное. Алтайцы и черневые татары преимущественно сеют ячмень. Они обрабатывают земли *абылом*, род мотыги, или лопатки, прикрепленной к согнутой ручке. Этот *абыл*, как видно, относится к древнейшим земледельческим орудиям. В этой же черни или лесах встречается еще более простое орудие — это озып, которым выкапывают корни кандыка. От *абыла* человек не сразу переходит к сохе, у алтайцев существует первообраз

сохи — это *ондазын*, сошник с простым дышлом, которое привязывается к седлам двух верховых лошадей. Борону заменяет у этих народов сучковатое дерево. Хлеб, который засевают эти первобытные земледельцы, составляет ячмень. Самые первые способы сбора хлеба — рвать колосья руками — мы встретили на Чуе; в других местах, как на Аргуте, употребляется нож с косою ручкой, наконец, подобие горбуши. Взамен овина хлеб сушат на солнце, развешивая пучками. Вместо молотбы сохранился еще способ обжигания соломы. Об этом способе, существовавшем 2, 3 столетия в Ирландии, упоминает Тейлор, как о древнейшем способе. Он был присущ кельтам. В той же черни мы находим первообраз цепа, *токбок*, простая палка с утолщенным концом. Вместо жерновов мы встречаем у алтайцев растирание на особой плите, называемой *пасмак*. Сколько мы не усиливались у южных алтайцев найти первообраз жернова, мы не нашли его. Жернова представляли уже высшую степень культуры и находятся у черневых татар. Точно так же имеет весьма древнее происхождение ступа *сахо*, встречаемая у всех алтайцев. Ступа эта представляет различные усовершенствования. При обработке полей в горных местностях Алтая мы встречаем вдобавок орошение полей. Оно состоит в том, что вода горного ручья или речки отводится по канавам, проведенным по наклонному полю; каналы эти заложены каменными шлюзами, которые по мере надобности открываются. Эти *сугаки*, или каналы, проведены к каждой пашне, но если мало воды, пашни владельцев орошаются по очереди. Проводят орошение хлебопашцы артелью¹. В тех же местах находим начало удобрения и открываем следы как природа привела к нему. Проезжая по пустынной речке Эбели, впадающей в Чую, мы наткнулись на оставленную зимовку, где на месте шалаша разрослась целая клумба хлебов из просыпанных зерен во время обитания людей. На реке Купшиген, впадающей в Еламан, калмыки, при расспросах о том, какие поля они предпочитают под пашни, передали нам наблюдения, что хлеб родится лучше на месте, откуда они переносят свое жилище. В Кузнецкой черни мы узнали, что черневые татары сеют коноплю на местах, где простояла долго скотина. Из различных растений начинается выделка произведений; алтаец чаще употребляет шубы, но черневой татарин умеет ткать. Выделка ткани есть уже замечательный прогресс среди дикарей; она начинается с крапивы и *кендыря* и дикого конопля². Белый зипун, делаемый кумандинцами называется *кендырь*.

Как земледелие, так скотоводство и охота дикарей получают известные переходы. У алтайцев есть способы заготовления сена на зиму, причем они, собирая его, вяжут веревками. У черневых татар заготавливаются стога, к которым припускается на зиму скот. Проезжая по Алтаю среди лета, мы замечали везде кипучую земледельческую работу и сенокосение; полуголые дикари трудились не менее нашего земледельца. Что касается звероловства, то и здесь дикарь проявил поступательное движение; старинная ловушка и лук заменены ружьем, которое вышло из Китая. Алтайское ружье фитильное китайского образца.

¹ Подобное орошение существует в Киргизской степи, особенно в Семипалатинской области и в Туркестане.

² Из крапивы кузнецкие татары вяжут сети.

Для фитиля употребляется лыко растения *тая*, которое смачивается в растворе пороха и горит, как трут. Порох выдeldывают алтайцы на Башкаусе и на Чуе сами, он весьма крупного свойства. Пуля на большого зверя употребляется железная. Пуля эта легко выкатывается из ствола, если требуется ружье разрядить. Особенность этого ружья в том, что казенника нет, оно прямо запаяно. Можно подумать, что при таком вооружении не достигается ни цельность, ни скорость стрельбы. На самом деле, несмотря на неуклюжесть алтайской турки-ружья, инородец привык владеть им с замечательным искусством, ловкостью и предусмотрительностью, которым нельзя не удивляться. Фитиль не просто прикладывается, но он находится на курке, который также быстро спускается, и огонь зажигает порох на полке. Для того, чтобы на охоте скорее зажечь фитиль ружья, у охотника курится другой фитиль. Для натруски на полку особый рожок. В случае промаха, находится в запасе готовые мерки заряда в особых патронах вроде черкесских, а пуля во рту. Порох в одну минуту насыпается и пуля спускается. Обладая хладнокровием, знанием привычек зверя, черневой татарин убивает в жизни значительное количество медведей. Мы видели охотников, убивавших по 150 и 200 медведей. Некоторые Жерары черни носят название «Медвежья смерть».

Как у алтайцев, так и у черневых татар развито кузнечное мастерство до выделки стали. Когда-то кузнецы татары славились производством железных вещей, таганов, посуды и платили до пришествия русских этими произведениями дань в Китай. На Чулышмане и Башкаусе до сих пор добывают руду, плавят чугуны, а затем выдeldывают железо. Первобытный способ этой выделки мы записали; он состоит в выплавке чугуна из толченой руды, пересыпанной слоями угля, и положенной в глиняный сосуд, внизу которого находится отверстие. Выплавку руды инородцы скрывают, но около р. Урсула нам говорили, что есть остатки старого инородческого завода. Мы видели в лесах первобытную кузницу и срисовали все ее инструменты. Местные кузнецы делают огниво и ножи. Замечательно, что медные принадлежности черневыми татарами приобретаются из Китая, Монголии и от русских. Таким образом, на алтайском огниве соединяется иногда три культуры, русская бляха, китайская пряжка (бель) и сталь собственной выделки. У саянцев, или урянхайцев, как рассказывали, кузнечное дело стоит еще выше.

Раскопки в курганах и добываемые в них вещи, котлы, стрелы и даже кольчуги доказывают, что употребление металла в Алтае было весьма давно. Как культура настоящих инородцев, так и некоторые археологические изыскания показывают, что жизнь инородцев до пришествия русских не была неподвижна. Напротив, некоторые остатки и памятники указывают на существование гораздо высшей культуры у древних народов, чем нынешняя у дикарей.

Мы позволим себе указать на некоторые археологические изыскания в Сибири, в связи с положением настоящей культуры инородцев.

На всем протяжении Сибири от Курганского округа до недр Алтая и китайских границ мы находим множество курганов различного типа и инородческих кладбищ, свидетельствующих о значительном населении, проживавшем в Сибири в доисторическое время. Кладбища эти находятся в местах, ныне почти необитаемых, напри[мер], по рр. Чулышману, Улагану, Кара-Куму, Аргуту, в

вершинах Берели, Катуня и т.д. Огромные насыпи и курганы в Алтае переходят в могилы, усыпанные камнем в сажень и более вышины, в 5 и 10 сажень в диаметре; около них часто находятся плиты и каменные бабы, кожо-таш. Кроме того, встречаются развалины городков и крепостей. Среди этих остатков татарских городков (на Барабе, около Чанов мы нашли таких два) мы встречаем следы построек и глинобитных печей. На могилах мы находили следы глиняной посуды, наконец, близ них находятся ручные жернова. Эти жернова можно видеть в Барнаульском музее; они находятся на Барабе, в Кулундинской степи и в Барнаульском округе. Между тем мы видим в Алтае у многих дикарей еще плиты для растирания зерен и только черневые татары имеют жернова. Точно так же на Чулышмане, где живут телесы, не имеющие понятия о жерновах, было совершенной неожиданностью открытие близ старых могил — огромных жерновов из гранита в 78 сантим[етров] (или 5 четвертей в диаметре). Эти жернова имели даже следы железных жабок. Близ этих же мест по Чулышману, а затем по Чуе и Катуня находятся остатки прежних каналов для орошения полей. Таким образом, все это указывает на существовавшую весьма давно здесь земледельческую культуру.

У древних жителей Алтая, судя по археологическим остаткам, была замечательно развита обделка камня, свидетельством чему служат каменные бабы и кожи-таши с рисунками и барельефами. Когда-то камень в этих местах играл весьма видную роль. Чем ближе к горам Алтая, тем более древние могилы превращаются в огромные груды камня, некоторые обложены плитами, около могил стоят бабы, иногда они представляют только подобие человеческих фигур; рядом длинные ряды вбитых, подобно кольям, камней, идущие на восток. Каменные бабы рассеяны по всему югу Сибири, но мы нашли след бабы также на Барабе, в местности, где нет никаких следов на несколько сот верст камня. Каменные могилы в Алтае, как видно, требовали огромной массы рук, некоторые камни могли только подвозиться. Нынешние инородцы уже не в состоянии делать подобных насыпей и хоронят покойников или в старых могилах, или кладут наружу. Могилы, как оказывалось при раскопке, забутованы камнем сажени на $1\frac{1}{2}$.

Прежние жители умели не только обделывать, но и просверливать огромные куски скал, как показывают работы близ перевоза Кар-Кечу на Чуе. Крепости или «шибе» в Алтае также укреплялись камнем, но при этом вид их имел оригинальную форму и их стратегический план сообразуется с местными условиями; такие шибе мы видели на Катуня и на Телецком озере, близ мыса Артал. Отвесный берег с тропинкою посредине, соединявший два урочища, был поперек огражден грудями камня подобно брустверу или валу, тропинка завалена огромным камнем; один конец ограды упирался в отвесную скалу, стоящую под водой, другой шел выше до отвесной скалы к вершине горы. Войско, ложась за бруствер, защищало склон и стреляло при приближении неприятеля. В это же время на вершине горы устраивалась засада и утверждались на подпорках камни; камни эти обрушались на неприятеля. Так были отбиты и загнаны в озеро сайоны, или урянхи, нападавшие на телесов. Камень и доселе играет видную роль в хозяйстве Алтая. Паскотина огораживается камнем, мостики для скота покрываются камнем. Мы нашли подле старинных баб игрушки детей,

состоящие из маленьких, разрисованных плит, которыми алтайские дети заменяли куклы. Алтайцы на своих обо употребляют камень даже как жертву.

Рассматривая костюмы и моды различных алтайских племен, мы видим, что они представляют известное разнообразие. Древнейший костюм черневых татар мы нашли у кумандинцев; он тот же самый, как описывается Гельмерсеном. У мужчин белые азямы из льна и летом такие же шапки-колпаки, обшитые крашеной шерстью, зимою шубы из серого войлока, у женщин рубахи с вышитым воротом и шерстяные шушуну, крашеные мареной, также крашенные чулки. На вороте, шее и косах находятся обильные украшения бисером и ялан-башем, раковиною каури (*сургеа-монета*), наконец, воротники обшиты перламутром с пуговками, называемыми жемчугами.

Это дало повод Гельмерсену заключить, что одежда женщин по Бию походит на мордовскую и черемисскую. В интересах сравнения мы сняли подробности этого костюма. Костюм кузнецких черневых жителей ближе к кумандинцам, но он уже изменяется под влиянием русской моды. Зато бийские черневые татары заимствуют моду у алтайцев, это высокая шапка — «перюк» и женский «чегедек», весьма красивый женский костюм, обшитый галуном и парчей, с огромными китайскими красными пуговицами. Коса, принадлежность алтайца, проникла и к бийским черневым татарам, но ее уже нет в Кузнецком округе, где инородцы подстригают волосы в скобку. Вообще, с юга происходило на алтайцев и черневых китайское влияние, с севера, напротив, русское. До сих пор около Телецкого озера видны китайские и монгольские шапки, трубка и ружье занесены китайцами; у этих инородцев встречаются также китайские ткани. Северных инородцев мы видим большею частью совершенно обрусевшими, как, например, ближайших татар к Кузнецку.

Мне остается коснуться религии и миросозерцания черневых татар и алтайцев, у которых много общего, как в деле культуры, так и в области религиозного миросозерцания. Эта народность сохранила связь с древнейшими религиями Азии, унаследовала их языческие мифы, наконец, пережила несколько стадий в религиозных воззрениях, поэтому представляет богатый материал для мифологии.

Среди алтайских народностей сохраняются следы чистого пантеизма и политеизма; у них есть обоготворенная природа, бестелесные духи и боги-герои. Кроме *Ульгена* и *Эрлика*, представителей добра и зла, признававшихся доселе у алтайцев, есть еще несколько понятий о божествах. *Кудай* — есть высшее божество. Понятие *Ульгена* сливается с понятием о небе *тенегре*, которым его величают и со светом *хрык*. У *Ульгена* есть мать *Тазы-хан*, три сына и двенадцать дочерей. Первый сын *Ямгир-ахту-Яжиган*, громовержец и повелитель дождя, второй — *Солты-хан* и третий — *Тимур-хан* — бог войны. *Ульгень* пребывает на 12-м, 11-м и 7-м небе. Шаманами, кроме того, поминается *Яяче*, творец земли и мира и *Яик-хан*, он же *Чаик-хан*, которому приписывается потоп на земле. Злые духи имеют несколько разрядов: *Эрлик*, *Козыр-хан*, *сатана*, *Куремес*, *аза*, *аина*, *хешкер*. Исторические богатыри и ханы связаны с культом поклонения. Замечательно, что в этих преданиях сохраняется имя *Тимура*, которому присвоена роль *Марса*. Этот *Тимур*, сын *Ульгена*, был воитель; по

преданиям алтайцев, ему прострелили глотку и он стал заикой. Стихи, читаемые ему камами или шаманами, следующие:

Как широкое железо имеющий плечи,
 Как выпуклую сталь имеешь ты грудь,
 Щеки твои как полосовое железо,
 Сердце твое как чернь:й чудесный камень.
 Ты не можешь выговорить слово как заика.
 Стрелять надо, но ты левшак.
 Белого Ульгения ты юноша,
 Железного хана ты сын.

Таким образом, здесь таится связь божественной мифологии и героического эпоса. Природа вполне обоготворяема алтайцами. У каждой долины, горы, реки есть свой дух *Ээзи*. Они поклоняются ему на высочайших горах, как пред Алтын-тау.

Снежные хребты носят название во многих местах Яик-ту, священной горы¹. Учь-сюри Белуха вызывает особое благоговение, поклонения и жертвы. Наконец, это обожание олицетворяет весь Алтай, как место промысла. В молитве Алтай носит название «Алтай-хангай», к нему существует особое обращение:

Алтай-Хангай! Лес и камень,
 Бегущие реки молитвою нашей обереги,
 Без страха провести день дай,
 В горах нам перевал дай,
 Детям милость дай,
 Жизни милость дай.
 Пищей не оставь нас.
 От бога — Алтая, государя,
 Молитвы просим,
 Всегда государя — бога молим:
 Людей в обиду не дай,
 птиц и собак сбереги,
 Благополучие нам ниспошли.

Далее у алтайцев над каждой пещерою, скалою, озером и водопадом господствует свой дух *Еэлю*. Такой дух, отождествляемый с водяным живет в Кеньгинском, Когурминском и других озерах. Один священный водопад на Усть-Башкаусе носит название «Кулурге» — жертва. На горячих Рахмановских ключах, по-калмыцки *аржан*, мы видели следы принесения жертв. Кроме того в Алтае есть священные деревья: *кам-агач* — это место пребывания лесного духа. Дерево это обыкновенно лиственница, имеющая в середине или наверху густую, непроницаемую шапку зелени. За рекой Сухашем находится ключ Кашдыд, сплошь покрытый этими деревьями. Точно так же алтайские народы

¹ Горы призываются в молитвах, как Абыган (вершина Абакана), отец гор: «О шести горбах отец Абыган».

поклоняются стихиям: огню и воде. Это поклонение существует в различных обрядах. Вот оно каким образом выражается в записанном нами гимне огню:

Зубы оскалившее пламя,
О тридцати головах матушка — огонь,
Твои уши зубчаты и муравлены,
О сорока головах девица ты мать,
В хвосте твоём блещет перламутр.
Девицы смотрят и завидуют тебе.
В твоих ушах есть колодец,
И лебедь пьет из него.
Зола из Толкана — постеля тебе,
Белая пыль — тебе подушка,
Тагон тебе служит опояской;
Семь раз оброненный огонь гнездо.
Вместо матери ты кормишь
Под землю твой плод; небо тебя родило огонь матушка,
Сырое ты варишь, мерзлое растопляешь.

Что касается воды, то ей присваиваются титулы водяного, хозяина, царя, ее зовут вода-матушка, переходница. Когда стоят на берегу, то, снимая шапку, говорят: от белой рыбы твой вкус подобен маслу. Быстрой тебе, воде, да будет покорная моя голова!

Таким образом алтаец питает глубокое благоговение к окружающим его стихиям. Анимизм верования в существование душ за гробом и в тени мертвых также имеет место в Алтае и у черневых жителей; верования эти сохраняют древнейший культ. Алтайцы боятся покойника и смерти; после покойника они тотчас переносят жилище; от тени покойника несколько дней они ограждают себя, запираются и ставят к дверям железные вещи и ножи. Покойник тогда отождествляется с злым духом. Вслед за этим воззрением существует понятие о вселении загробных душ в живых людей и причинении им болезней. Покойник, по алтайским воззрениям, также может вселиться в человека и причинить ему болезнь. Болезнь эта называется «*изют*» и имеет связь с остатком обычая: желать здравие при чихании, существующем у всех народов. (Происхождение этого обычая в связи с анимизмом приведено у Тейлора).

У черневых татар, сохраняющих верование в *изюта*, существует восклицание при чихании: «*Таш-кат*, хватай камень, подавись камнем!» обращение к злему духу. Алтайцы говорят: «Собака тебя нагадь!», — а саянцы и монголы: «Бурханыр ерше! Бог тебя сохрани!» С верованиями в жизнь покойника за гробом связаны и обряды погребения покойников, снабжение их вещами, убивание животных на могилах и пиры в честь покойников. Обряд погребения умерших перешел несколько степеней. Как нам передавали очевидцы, у алтайцев еще недавно исчезло сжигание трупов, и мы видели свидетелей этого обряда. У кумандинцев мы нашли погребение покойников в земле; говорят, что им запрещено было оставлять их на деревьях. У телесов кладут покойников между камней. Недавно был еще обычай класть их на деревья, но он исчезает.

Из жертв богам, горам, стихиям и домашним фетишам алтайцы приносят предметы пищи и питья, выплескивают вино и толкан, но никогда — воду; перед охотой из муки делают фигуры диких баранов, *кочкар*, которые оставляют на жертвенниках. Символом жертвы бывают также камни, сухие деревья и *ялама*, род лент, развевающиеся на деревьях. Во время торжественного обряда шаманами приносится кровная жертва: бараны, коровы или лошади. Иногда лошадь заранее обречена на жертву и тогда она носит название *янк*. Признак ее обречения — лента. В Алтае можно встретить множество шкур лошадей, развешанных на шестах — это остатки жертвоприношений. Форма жертвы, как в истории всего человечества, здесь видоизменяется. В старинных легендах алтайцев мы находим еще память о человеческих жертвах. Жертвы эти приписываются или монголам, или киргизам. Когда во время нашествия Аблая киргизы подошли близ деревни Чергачака в Катунь, они не могли перейти ее и принесли реке пленную девицу. Тогда Катунь расступилась, подобно Черному морю при переходе израильтян. Близ Улалы рассказывают, что монголы при нашествии принесли в жертву горе Чаптагану пленницу. В повести о том, как сражались телеуты с русскими, приводится рассказ, что телеуты вслед за отступлением русских, чтобы Томь дала им переправу, принесли ей в жертву захваченных двух русских девиц.

В алтайской религии занимает известное место фетишизм, как естественное продолжение анимизма. Хотя идолы немногосложны, они состоят из изображения *куремеса* и виденного нами у кумандинцев весьма простого деревянного идола, маленького домашнего бубна и шкурок зверей, преимущественно зайца (чаик). Бубен этот, *тюнгур*, бывает испещрен рисунками, изображая все мирозерцание алтайца. Здесь есть солнце, луна, радуга, звезды, почитаемые наиболее животные, лягушки, змея, ящерица, рыба, марал и изображение жертвоприношения. Кроме того здесь же изображаются орудия промыслов и охота. В черни на бубне есть сеть и рыба. Бубен этот играет видную роль во время камланья или шаманства. Он звучит возбуждающим образом, электризует и экзальтирует шамана. Мы видели несколько раз этот обряд. В кумандинском селении мы встретили молодого *кама* в избе перед больной женщиной, простертой на лавке. В первый раз мы услышали этот дикий, глухой, чревовещательский звук; грязная изба, изнеможенная женщина, ползающий около нее ребенок и бешеное неистовство *кама* производили особое впечатление. Немного спустя мы увидели того же шамана около другого больного в другой обстановке. На берегу Бии, при ярком пламени костра, около хижин сидели кумандинские старухи в красных шушунах с трубками в губах, как неподвижные статуи. Под навесом лежал чахоточный, больной молодой человек. Шаман стоял около него; сначала раскачиваясь, он напевал монотонно и медленно, затем переменял голоса, как бы беседуя с духом, наконец, он начал заклинания, которые повторялись все громче, энергичнее; дикие крики иногда вырывались из груди, он выбегал, кружился. Больной тогда приподнимался и жадно смотрел лихорадочно горящими глазами надежды. Вдали слышались раскаты грома и темное небо прорезывалось по временам молниями. Вера и суеверие, надежда и обман, страх смерти, борьба потухающей жизни и внезапное вмешательство стихий совмещались в этой картине из быта дикарей.

Обряд шаманства бывает полон торжественности и длится целую ночь. Тогда ярко освещаются аулы. Обреченные животные привязаны около юрт. Перед выступающими горами, при лунном свете, в фантастическом костюме с развевающимися перьями шаман выбегает из юрты, бьет в бубен, кружится и в дикой экзальтации делает предсказание. Это впечатление среди глухой ночи бывает в такой степени потрясающее для простого ума, верящего в сношение с дьяволом, что наводит страх на присутствующих русских крестьян, как они нам свидетельствовали. В Алтае рассказывают про шаманов, которые во время шаманства глотают ножи, становятся на огонь. Во время обряда шаман бросает *орбы*, лопатку, которой бьет, в бубен; присутствующие хватают ее и по падению вверх или вниз наружной стороной заключают о счастье.

Есть камы обманщики, но есть верящие в свое призвание. Обречение в шаманы делается с малолетства; должность эта в большинстве наследственная; иногда в ребенке замечаются родителями припадки, по которым судят, что в него вселился дьявол. Чтобы испытать, ему задают вопросы, и он делает предсказания. Наконец, обреченный заявляет, что он видел, будто у него демоны нашли ломаную кость, и это служит верным признаком его избрания. Многие камы одержимы болезненными, нервными припадками. На берегу бушующего Аргута нам указывали скалу, где в религиозной экзальтации шаман, разорвав на себе одежды, бросился в пропасть.

Среди алтайских народностей происходит воздействие и других религиозных влияний, сменяющих старое мирозерцание.

На почве Сибири вообще сталкивается в борьбе три могучих религиозных мирозерцания, старающихся отвоевать себе прозелитов среди сибирских инородцев — это буддизм, магометанство и христианство.

На алтайские народности все три религии имели свое влияние. Буддизм вторгся с юга, действуя на чуйских теленгитов, но не успел пустить корней. Зато на севере магометанство обратило значительную часть тюрок; в Томской губернии их 9 500 душ и в Тобольской 37 800 душ. Магометанство, проникшее с прошлого столетия, довольно окрепло здесь. Православных инородцев в Томской губернии 26 726 на 63 000 душ и в Тобольской 27 949 на 74 200 душ, язычников 26 000 в Томской губернии и 8 300 — в Тобольской.

Духовная жизнь народа, выражающаяся в религии, выражается и в его поэзии. Фантазия алтайца изукрасила окружающую природу образами и антропоморфизировала ее. Окружающий мир неорганической природы живет и дышит вокруг алтайца. Горы одушевлены, они когда-то вели войну между собою, и одна гора отстрелила часть тела у другой, оттого отдельно лежит сопка. Большинство гор имеет свою легенду. Указывая на Алтын-тау, алтаец говорит — это отец, вторую сопку он называет сын — уголу, а третью — сноха — когеда. Название рек Бия и Катунь в переводе означает господин и госпожа. Направление течения Бии и Катунь объясняется тем, что женщина и мужчина хотели посоперничать, кто кого перебежит, Катунь пробовала перебежать Бию, тогда оскорбленный мужчина Бий пересек ее дорогу. Жизнь героев и богатырей богата приключениями; повсюду находятся памятники их дел. Здесь накиданы камни богатырям, хотевшим загородить Бию. Там богатырь хотел отвести Телецкое озеро на восток к Абакану, но гора Менер приняла участие и

загородила ему дорогу. Оттого образовалась только бухта озера. Горы иногда не пускают неприятеля, как Чаптаган не пустил киргиз, за что прозван «неумолимый». Есть костяная гора, где погребены неприятельские кости, и зубцы белков в вершинах Томи носят название «небесных зубов». Светила: солнце и луна, являясь олицетворенными; месяц ай-ада — муж; солнце, кунь — жена. Метеоры происходят оттого, что гора пересылает другой огонь. Во время затмения загораживают луну или солнце; ущерб месяца и тени на нем связаны с рассказом о богатыре Эльбегене. Это был богатырь-людоед, он ел людей и причинял бедствия. Бог пожалел людей, послал солнце взять Тельбегеня; приблизясь, оно чуть не растопило землю. Тогда был послан месяц, который схватил Тельбегеня, но Тельбегень ухватился за талину, вырвал ее. Тень его видна на месяце с этой талиной; место, где поднялся Тельбегень, показывают около камня Елбакташа на Би. Увлеченный людоед жаловался, что он будет есть на луне? Тогда месяц положил его кормить 15 дней собственным телом, остальные 15 дней должен кормить его Тельбегень; этим объясняется ущерб и прибывь луны. Антропоморфизм переходит на деревья, которые за грехи разит молния; на животных, — при рассказах, что медведь был человек; даже история маленького бурундука связана с небесными похождениями. Этот зверек, по рассказам, был большой грешник, он обрезал хвост у боговой коровы, за что был сильно наказан привратником и носит на спине следы этого наказания. Таким образом, вся природа одушевлена. Алтай можно сравнить с Древней Грецией, где, подобно же, горы, воды и реки имели свою жизнь, мифологические божества наполняли эту природу, она имела язык и вверяла свои тайны детскому сердцу дикарей. Песня алтайца полна первобытного чувства и фантазии. У черневых сохраняется живой дар импровизации, который мы имели случай поверить.

У алтайцев существует песня, сказка и героическая поэма. Из музыкальных инструментов они употребляют топшур, род балалайки, икеле со смычком. У кумандинцев струнный инструмент носит название комыс. Здесь же находится маленький металлический инструмент весьма оригинального свойства, вставляемый в рот и производящий звук посредством припянного язычка, он носит название комыс-тюнгур.

У алтайцев (ойротов) мы не нашли пляски, но у черневых татар она существует, точно так же, как нам свидетельствовали, она есть у саянцев.

Рассматривая экономический быт алтайского населения и его современное положение, мы встречаем сумму благоприятных условий. Обширные скотоводческие пространства, девственная природа, обилие естественных продуктов, по-видимому, ему представляют много простора. Инородец, как стоящий по условиям быта ниже крестьянина, платит менее, всего до 3 рублей с ревизской души, ему предоставлено вносить ясак пушниной, он не обременяется повинностями; но тем не менее льготы, данные законодательством, парализуются другими причинами. Быт этого населения крайне жалок, в большинстве мы находим жалкие шалаши и только по Урсулу и Кану, внутри Алтая, где сосредоточивается преимущественно пастушеское население, нашли некоторые признаки пастушеского богатства и обилие стад. Лучше также быт оседлых инородцев Кузнецкого округа, но причины обогаще-

ния их лежали в торговле с кочевыми волостями. Когда-то Алтай между тем славился стадами. На Чуе и на Чулышмане были табуны, которые владельцы считали, загоняя скот в долины и ущелья на глазомер, не будучи в состоянии пересчитать его поголовно. Ныне Чуя бедна скотом, как и Чулышман. От Уймоны до устья Чуи мы не видели совсем калмыцкого скота; стада перешли к крестьянам и торговцам. На обеднение Алтая скотом указывали все бывшие здесь этнографы — Радлов, Вербицкий.

Действительно, мы видим, что кочевой район все более суживается. Для этого достаточно взглянуть на карту горного Алтайского округа. Русское население сыздавна заселяет Алтай. Многие волости существуют на севере и западе. По Бухтарме также идут поселки. Тысячи русских крестьян-переселенцев идут в Алтай отыскивать привольных мест. Таким образом, Алтай оцепляется кольцом, и кочевья должны ограничивать свои пределы. В двух местах обширные и лучшие земли инородцев перешли во владение Алтайской миссии и ее монастырей. Так, близ Улалы взято пространство в 30 000 десятин и на Чулышмане расстояние в 30 десятин. С другой стороны, столкновение с русским элементом не могло не отразиться на экономической жизни, создав здесь обмен продуктами. Обмен этот, однако, совершался и совершается при неблагоприятных условиях. Инородец сбывает орех, зверя, скота, получая взамен товар, привозимый купцами. Товар дается инородцу обыкновенно в долг, причем инородец должен поставить орех или зверя по известной цене. При снабжении в долг товаром купец покупает орех по 50–60 коп. за пудовку, причем принимается пудовка торговца; рыночная же цена ореха бывает 1 руб. 20 коп., 1 руб. 50 коп., в неурожай — до 2 руб. 40 коп. Белка покупается за 3 коп., а цена ее 15 и 20 копеек. Зато все товары идут в высшей цене. Драдедам в 60 и 70 коп. продается по 3 руб. аршин, кумач в 18 коп. — по 35 и 40, бязь продающаяся в Ирбите 9 коп. — по 30 и 35 коп., шесть пуговочек перламутровых дается за одну белку в 20 коп.; за одну белку дается три и четыре джисан-баша, раковинки, стоящей $\frac{1}{2}$ коп. Простой табак фунт поднимается от 15 до 50 коп. Мы не говорим о порохе и вине. Порох до 3 руб. фунт. Вино разбавленное до неимоверной цены. При таких условиях инородец не в состоянии выплатить долга, тогда долг переводится по рыночной цене, которая стояла в Ирбите. Так, за недоставленный пуд орехов он должен уплатить 1 руб. 20 коп. вместо 50–80 коп., за белку в 3 коп. — 17 коп., за сотню 17 руб. и потом эта ирбитская цена переводится на скота смотря по сумме. Если калмык должен три рубля, он платит 6 рублей и должен отдать быка по 3-му году, не уплатит по 3-му году, требуется, чрез год, бык по 4-му году, на третий год купец требует уже 5-летнего быка, стоящего 15 и 20 рублей. Когда приходится перелagать денежные счета на скот, торговцу выгоднее оставить долг за инородцем и оставить скот для пастбища, но тогда скот считается купеческим, должник пасет и кормит скот, приплод также идет в пользу владельца. Оттого сформировалась в Алтае пословица «Отдай тарбака — получишь быка». Купеческие же займки наполнились скотом. Торговец сам назначает цену за скота должнику. Взыскание долга берет сам на себя кредитор, он разъезжает по инородческим улусам с приказчиками и если считает своевременным получить долг, не прибегает к иску, а прямо берет скот.

Прежде это взыскание производилось отгоном целых табунов. Мало того, русские люди прибегали к обману инородца, затевали здесь дела и угрожали судом. Образец этих обманов приводится в одном рассказе, записанном нами как предмет этнографии. Русский, зашедший в леса к инородцам, занес медную удочку и начал удить рыбу. Инородец попросил позволения попробовать это занятие, русский согласился. К несчастью удочка зацепилась в воде за сук и оборвалась. Тогда русский выразил полное отчаяние; он сообщил, что эта удочка дана ему священником и дороже для него всего на свете. Он выразил непритворное горе, не пьет, не ест и лежит на берегу. Инородец, испуганный, принес ему белку, но русский не утешился. Тогда он принес ему лисицу, но и это не окупало удочки, наконец, он принес соболя. Русский отер слезы и отправился домой, горько жалуясь на свое несчастье. Несмотря на уплату, инородец все еще остался в долгу, и долго еще русский человек ездил в чернь собирать долги за эту драгоценную удочку. История этой удочки напоминает историю отношений к инородцу. Не только торговец, но и всякий русский человек имел огромный соблазн, сталкиваясь с дикарем. Проехав Телецкую чернь, мы видели, что все русские люди, в том числе мещане и крестьяне, стараются поторговать с инородцем, даже крещеные и оседлые инородцы делаются приказчиками и посредниками купцов. Таково происхождение богатств кузнецких татар. Мало того, около Улалы, на границах черни, мы встретили два года назад обоз русских крестьян, простых земледельцев, которые пришли из Барнаульского округа променять свои произведения, холсты, на дикий лук колбу, вывозимый в большом количестве из черни. Замечательно, что приемы этого обмена были исполнены детской хитрости и стремления воспользоваться неопытностью еще менее развитого ума. При столкновении с инородцем в торговца преобразался даже простодушный крестьянин. Таким образом, мы заметили во всех слоях русских одинаковое стремление к наживе насчет инородца, которое не могло не угрожать его быту и материальному благосостоянию.

Но кроме торговли русское население является ныне еще могучим конкурентом в деле звероловного и орехового промыслов. Русские крестьяне, подойдя близко к инородческому району, являются в чернь за орехом, который составил видный промысел и русских. Кедрового ореха вывозится из Алтая сотни тысяч пудов. На одной алтайской реке, во время нашего проезда, промышляло орехи до 1 000 русских крестьян. Инородцы передавали, что русские бесцеремонно обходятся с кедром, часто рубят его и обивают озимь. Надо заметить, что когда созревают кедровые шишки, в это время завязываются и новые. Уничтожение новых порослей ведет неурожай. Точно так же алтайские охотники широко раскинули свои промыслы и являются бить зверя в инородческий район. Русские также охотятся на соболя, диких коз, лисиц и белок, при этом завладевают лучшими местами для промыслов. Торговля и запрос рынка, надо заметить, заставили усиленно заняться промыслом и расхищением естественных произведений природы.

Вслед за торговцем и промышленником идет в чернь пасечник, который обзаводится здесь и скотоводством; наконец, во многих местах в кочевых волостях уже стеснились русские деревни. Крестьянская земледельческая культура,

в лесах — дикая культура, сопровождается грозным явлением; очищением леса и порохом. Девственная тайга и темные сопки занялись пламенем при приближении русских, от сибирских палов высоко поднялись столбы дыма к небу, и инородец содрогнулся от гибели родных лесов; сибирское хозяйство привыкло широко раскидываться и вот выступила борьба из-за земли. Многие, считающиеся кочевыми, инородцы между тем живут деревнями и имеют свои пашни. Таковы кумандинские волости. Раз поселился русский поселок, он отесняет инородца, даже оседлого. На границе черни мы были свидетелями самых запутанных поземельных отношений.

Нельзя не признаться, что русская культура касалась инородца пока только весьма острыми сторонами своими. Сношения с русскими и обмен не могли не произвести своего влияния на быт инородцев; мы видим у них распространяющимися русские произведения, жилища, железо, многие перешли к оседлому образу жизни; но такой переход делался сам собою, в силу естественного невольного заимствования, и нельзя не признать, что успехи этого были бы действительнее, если бы сумма неблагоприятных условий была менее, а экономическое благосостояние инородца возрастало.

В связи с благоприятными и неблагоприятными условиями, среди которых живут инородцы, является вопрос о их сохранении или вымирании. Несомненно, что он связан с исследованием числа инородцев в различные исторические моменты. Статистические исследования по отношению к алтайским инородцам дали мне следующие данные: число кочевых инородцев в 5-ти дючинах в начале нынешнего столетия, а именно в 1816 г., равнялось 4 789 душ; позднее, в 60-х годах, оно увеличивается до 11 000; ныне число калмыков равняется 17 014 душ, а черневых татар — 5 791 душ[а] обоего пола.

Кочевое население, как видно, не уменьшается и не вымирает, а в нем замечена прибыль. Это объясняется тем привольем и свободой, которым еще пользуется это население. Но нельзя сказать этого о всех инородцах Сибири. Даже общие цифры по губерниям за различные периоды наводят на мысль об уменьшении инородцев. Мы имели эти цифры за разные периоды с 1824 года, причем оказывалось, например, что по Тобольской губернии в 1879 году число их менее, чем в 1851 году, когда было 75 624, а в 1879 году — 74 000 ч[еловек]. В Томской губернии в 1835 году считалось 68 431 ч[еловек], а в 1879 году можно было насчитать только 63 054.

Рассматривая в частности число инородцев, в связи с условиями их быта, мы не могли не заметить факта, вполне выяснившегося относительно тобольских, барабинских и тарских оседлых татар, среди которых, несомненно, произошло уменьшение.

Среди черневых татар, особенно оседлых, судя по виденному быту, мы не заметили подобных последствий. Мы можем отметить весьма важный этнографический факт из жизни инородцев, что черневые татары, быта которых мы коснулись, подготовленные своею переходною культурою, представляют более склонности к восприятию русской оседлости, и из них большее число перешло к православию.

Сравнивая население Кузнецкого и Бийского округов, мы видим, что в первом из 15 000 — 7 300 ч[еловек] оседлых инородцев. В Бийском же из 27 400 едва 4 600 ч[еловек].

Православных в Кузнецком округе 13 800; в Бийском самое большее 5 000 ч[еловек]. Замечательно при этом, что в Бийском округе сосредоточена деятельность миссии, а в Кузнецком округе ее не было. Произошло же это как от бытового строения, так и влияния русской колонизации, которая в Кузнецком округе была свободна, а в Бийском стеснена.

Два видных вопроса выдвигаются, таким образом, в современной жизни инородцев, которым может оказать услугу научное исследование — это вопрос о причинах обеднения инородцев и вымирания, т.е. вопрос их дальнейшего сохранения и вопрос об условиях, при которых совершаются нормальные переходы к оседлости.

Внеся эти вопросы в нашу программу исследования инородцев, мы старались связать их с текущею жизнью и с современным положением инородцев. Мы имеем основание предполагать, что вопросы эти займут впоследствии место, в связи с судьбою несчастных рас, достойных внимания науки и участия образованного мира.

Ядринцев Н.М. Отчет о поездке по поручению Западно-Сибирского отдела Императорского географического общества в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катуня в 1880 году // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1882. Кн. 4. С. 1—46.